

Курчатовский институт был одним из первых научных коллективов страны, который откликнулся на чернобыльскую беду. Специалисты высочайшего класса, среди которых академики В. Легасов, Е. Велихов, С. Беляев, осуществляли научное и техническое руководство работами по локализации аварии. Они и многие другие курчатовцы приняли на себя тяжелый груз ответственности по укрощению взбесившейся ядерной стихии. Беседа Марины ХАЛИЗЕВОЙ с академиком РАН, директором Института общей и ядерной физики Спартак Тимофеевичем Беляевым и доктором физико-математических наук, главным специалистом лаборатории радиометрии и дозиметрии Курчатовского института Юрием Васильевичем Сивинцевым возвращает читателей в ту памятную весну 1986 г. И не только. В ней — оценки, раздумья, тревоги, обнажившиеся за прошедшее десятилетие.

ЧЕРНОБЫЛЬ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ

Спартак БЕЛЯЕВ:

«Политика социальной защиты чернобыльцев ведет в тупик»

— Спартак Тимофеевич, если Вам удалось посмотреть программу В. Познера «Мы», посвященную 9-летию аварии на ЧАЭС, то Вы не могли не заметить, что участников передачи, главным образом ликвидаторов, заделали за живое результаты социологического опроса, проведенного журналистами. Выборка была, конечно, случайной, но весьма показательна результат: из 20 опрошенных только один смог приблизительно назвать дату чернобыльской аварии. Не слишком ли скоро мы забыли то, что произошло в ту трагическую весну?

— Я буду говорить жестко, но таково мое мнение на этот счет. Считаю, что наша беда в том и состоит, что мы так долго искусственно поддерживаем память о чернобыльской трагедии. Есть реальные проблемы, оставшиеся после Чернобыля, о которых нельзя забывать. Они ясно очерчены и ограничены по масштабам. Я имею в виду здоровье детей с большими дозами на щитовидную железу и ликвидаторов первого года. Над ними и надо работать. Других объективных проблем,

связанных с облучением, я не вижу. Другое дело, авария масштаба чернобыльской не может не вызывать социально-психологических потрясений, стрессов, которые, в свою очередь, влияют на здоровье населения. Основная наша беда состоит в том, что масштабы групп населения, затронутых радиационным воздействием Чернобыля и психологическим, явно несоизмеримы.

С точки зрения радиационной медицины, Чернобыль ничего нового не открыл. Массовые облучения приводят к дополнительным случаям раковых заболеваний. Реально обнаружить это увеличение возможно только для рака щитовидной железы, для которого очень низок спонтанный фон. И это заметно уже сейчас. В России отмечено около 50 случаев, в Беларуси — приблизительно 200, на Украине — более 80. К сожалению, анализ показывает, что эта статистика какое-то время будет нарастать. Цифры действительно большие, никогда еще на Земле не наблюдался такой рост этого заболевания. Сотни страдающих ра-

ком щитовидной железы и десятки тысяч облученных — тот круг лиц, за здоровьем которых надо следить, оказывая государственную поддержку. Это — реальные жертвы Чернобыля, исчисляемые тысячами, но никак не десятками миллионов человек, как утверждают сейчас отдельные политики, заинтересованные в такой статистике. Ничего, кроме стресса, эти явно завышенные цифры людям не приносят. Жуткий чернобильский синдром приводит к ухудшению их здоровья и экономической деградации целых регионов. Это и есть последствия Чернобыля, вернее, последствия необдуманного подхода к работе с населением после аварии. Поэтому чем скорее население забудет Чернобыль, тем быстрее оно успокоится.

Вы знаете, сколько областей в России официально, по закону числятся пострадавшими от чернобильской аварии? Четырнадцать. Это — области, которые имеют где-либо один кюри на квадратный километр (по цезию). Один кюри на квадратный километр равным счетом ничего не означает для населения. Для людей важно, какую дозу они получают. Один миллизиверт в год — это 30 % от естественного фона с его флуктуацией в 5 раз. Вся Финляндия живет, между прочим, с удвоенным фоном. В Западном Уэльсе в Англии постоянный фон еще выше. Поэтому я резко отрицательно отношусь к тому, что такое количество областей необоснованно признаны зонами риска. Это «работает» исключительно на нагнетание психоза.

— Если бы Вы участвовали в социологическом опросе, результаты которого приводились В. Познером, то в какой группе респондентов оказались бы: в числе тех, кто был за предоставление денежных дотаций чернобильцам, или против?

— Однозначно: против. Решение о массовых льготах и компенсациях было принято из-за слабости и растерянности правительства, которое хотело «успокоить» общество. Но результат получился обратный. Сам факт выплат трактовался как подтверждение опасности и только усиливал возбуждение.

Все болезни стали списываться на радиацию. С другой стороны, администрация многих районов и областей, стремясь «приобщиться к чернобильцам» с целью получения дополнительных средств, способствовала раздуванию страстей. Я понимаю, социальные проблемы сейчас обострились, отнять у людей дополнительные деньги — значит сделать еще хуже. Мы забрались с этой политикой в такую трясику, из которой неясно, как выбираться.

Если исходить из цифры один миллизиверт в год, то число областей, охваченных чернобильскими дотациями, сократится до четырех. В России только в одной области, в Брянской, радиоактивность выше 15 кюри на квадратный километр, и только Орловская, Калужская, Тульская имеют выше 5 кюри на квадратный километр. А мы законом, который не опирается на конкретные реалии, установили невероятную по масштабам зону загрязнения и теперь пожинаем плоды этих необдуманных решений в виде развала социально-экономической структуры регионов и иждивенчества, воспитанного постоянными денежными подачками.

В свое время я направлял записку в правительство, смысл которой заключался в том, чтобы переориентировать выплачиваемые «чернобильские деньги». (Замечу, что 70 % выплат идет как раз в пресловутые области с одним кюри на квадратный километр.) Люди, живущие на «чернобильских» территориях, — действительно пострадавшие, если не от реальных последствий Чернобыля, то от некомпетентной политики. Стрессы, нарушения привычного образа жизни, материальные потери (их земля и дома стали малопрестижными) — за все это и следует выплачивать компенсацию, а не за сам факт проживания в «зоне».

Дело доходит до абсурда. Выплаты обусловлены именно наличием признаков «зоны», и при улучшении обстановки дотации снимаются. Как в этой ситуации поступают жители, дабы не лишиться этих денег? Привозят «грязную» землю, чтобы поддержать «соответствующий» уровень радиации,

пасут коров на «грязных» лесных полянах, чтобы иметь соответствующее молоко для контрольных анализов. Вот к чему привела наша государственная политика социальной защиты чернобыльцев. Как можно ее поддерживать? Правильная политика должна приводить к улучшению обстановки. И деньги следует платить именно за очищение земли, оздоровление обстановки, а не за сохранение радиоактивной грязи.

— Вы коснулись главным образом проблем населения, проживающего в зонах риска. А каково Ваше отношение к ликвидаторам аварии? Сегодня общественность не склонна причислять их к героям.

— И понятно, почему. Число ликвидаторов непомерно раздуто. Называют 800 тысяч человек. При всех оценках их не может быть больше 200 тысяч — людей, которые действительно были на площадке. Причем не все эти 200 тысяч относятся к группе риска. Здесь тоже царствует беспорядок. Например, многие курчатовцы, которые работали на четвертом блоке после 1987 года, так и не вошли в число ликвидаторов, хотя рисковали своим здоровьем не меньше работавших в первый год аварии.

— Более того, наши ученые не получили ни одной правительственной награды за свою поистине героическую работу. Справедливо ли это?

— Я прекрасно помню, как мы в Курчатовском институте рассуждали, имеют ли право наши специалисты, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии, получать награды? Вывод был однозначным: ни один человек от Курчатовского института не должен войти в список претендентов на правительственные награды. И это правильно, потому что в какой-то мере Курчатовский институт ответственен за то, что произошло 26 апреля 1986 года.

— Есть и другая точка зрения, что Курчатовский институт не может быть крайним, когда речь идет о поиске виновных, и не несет ответственности за чужие грехи.

— Как не несет ответственности?

Почему чужие грехи? Научное руководство атомной энергетикой осуществлял Курчатовский институт. Как можно говорить, что мы не виноваты?

В этой ситуации я всегда вспоминаю роман В. Гюго «Девяносто третий год». Помните, как он начинается? Буря сорвала пушку на корабле. Если бы не матрос, сумевший ее удержать, неизвестно, чем бы все закончилось. Генерал приказал сначала этого матроса наградить, а потом расстрелять. Оказывается, именно он был виновен в том, что пушка была плохо укреплена. Поучительная история, не правда ли?

Можно спорить о роли Курчатовского института в чернобыльской трагедии, но думать, что мы чисты, нельзя. Допускаю, каждый сам по себе чист. Но Курчатовский институт как фирма несет ответственность за случившееся в Чернобыле.

Я и тогда считал, и сейчас считаю, что нам нечего высовываться. Все правительственные награды, все государственные премии мы отводили именно по этой причине — ответственны, а значит, виновны.

— В первые годы после аварии Институт был бесспорным лидером в научно-исследовательских работах, которые велись на четвертом блоке ЧАЭС. Сегодня влияние Курчатовского института в решении чернобыльских проблем существенно уменьшилось. Почему?

— Чернобыльские проблемы — понятие очень широкое. Есть ряд конкретных проблем четвертого блока, есть проблемы, связанные с реабилитацией тридцатикилометровой зоны, наконец, есть проблема загрязненных территорий. Это — совершенно разные области исследований. Мы были ведущими в той, которая касалась четвертого блока. Курчатовский институт создал Комплексную экспедицию, в задачу которой входила координация всех научно-исследовательских работ, проводимых на аварийном блоке. Но ее существование прекратилось в 1992 г. по решению правительства Украины. Научное руководство было передано Академии наук этой республики, которая создала новую структу-

ру — Межотраслевой научно-технический центр «Укрытие» (МНТЦ) с тремя отделениями. Постепенно Украина стала избавляться от неукраинских граждан, и наша группа начала сокращаться. Да и экономическое положение суверенной республики не способствовало тому, чтобы специалисты РНЦ там задерживались: на ту зарплату они не могли прокормить свою семью.

После приобретения суверенитета Украина вышла на международный уровень в организации работ на четвертом блоке. Сейчас она не заинтересована в участии россиян. Конечно, в лицо нам об этом не говорят. Наши коллеги прекрасно понимают, что все материалы, все данные по четвертому блоку находятся в Курчатовском институте, поэтому при решении научных вопросов им трудно обходиться без нас.

Следует заметить, что после ликвидации Комплексной экспедиции исследовательские работы на четвертом блоке практически прекратились.

— Между тем работа координационного совета, созданного в Курчатовском институте, была бы весьма полезной при решении, например, спорных вопросов. Скажем, в Центре нет единства в вопросе о количестве топлива, содержащегося в лавообразных топливосодержащих массах (ЛТСМ). Одни специалисты утверждают, что в ЛТСМ находится 88 т топлива, другие — 23. Кто прав? Этот вопрос рождает новый: если не все топливо найдено, то где оно?

— Действительно, существуют разногласия по количеству топлива, содержащегося в ЛТСМ. Там, по оценкам К. П. Чечерова и А. Н. Киселева, в подреакторных помещениях находится 23 т топлива. Оценки А. А. Борового и его коллег — другие. Однако никто же не говорит, что топливо есть только в лавообразной форме. Оно есть и в других формах, но пока не исследовано. Дело в том, что к месту, где предположительно сконцентрирована значительная часть топлива (к центральному залу), не пробраться. 10—15-метровые насыпи преграждают

путь. Измерения можно сделать лишь после разборки завалов, то есть в результате преобразования четвертого блока в нормальное хранилище. Да, надо думать над тем, какую технологию при этом использовать, как преодолеть завалы. Мы размышляли над этим, вели разведку, но не успели завершить работу, поскольку нашу экспедицию ликвидировали. Вопрос, какое количество топлива может быть в центральном зале, остается пока без ответа. На самом деле тем для исследований, где курчатовцы могли бы предложить свои знания и опыт, много. Но предложений к сотрудничеству не поступает.

— На Украине прошел международный конкурс технических проектов по преобразованию «Укрытия» в экологически безопасную зону. Вы были членом жюри этого конкурса. Наш Центр участвовал в нем?

— В нескольких проектах, которые заняли призовые места, Курчатовский институт участвовал. Однако победителем первого этапа, завершившегося еще в июле прошлого года, стал франко-украинский консорциум «Самрепон Bernard SYE». Второй этап предусматривал разработку технико-экономического обоснования проекта, на которую Комиссия европейского сообщества выделила 4 млн. долл. в рамках оказания технической помощи СНГ (программа TESIS). Для проведения практических работ была создана специальная организация. Курчатовский институт включен в число исполнителей. Но наша работа не финансируется и по сути превратилась в хобби.

Несмотря на дискриминационную политику, мы все же будем заниматься этими вопросами — слишком много отдано сил, знаний и здоровья, чтобы так просто отказаться от чернобыльской тематики. Сейчас думаем над возможностью внедрения наших разработок на Урале, на «Маяке», имея в виду их двойное применение. В этом случае мы могли бы получить финансирование.

— За девять лет Курчатовский институт накопил колоссальный материал по чернобыльской аварии. Обоб-

щается ли он? В преддверии десятилетия аварии на ЧАЭС хотелось бы иметь какой-то итоговый документ.

— Начало этой работе уже положено. Некоторые коллективы Курчатовского института получили внутренний грант и занимаются анализом, обобщением чернобыльских материалов. Прежде всего нам необходимо обработать первичные документы. Затем можно было бы издать «Труды Ком-

плексной экспедиции Курчатовского института», выпуская их том за томом. А потом заняться написанием обобщающих монографий для специалистов и широкого круга читателей. По такому пути, мне кажется, надо идти. Считаю, что к 10-летию мы обязаны в обобщающем виде представить весь материал, которым обладает Курчатовский институт по чернобыльской аварии.